

А.В.Харинский¹, В.Н. Авраменко¹, М.Л.Бородина²¹Иркутской государственной технической университет г. ИркутскE-mail: human@istu.edukharinskiy@istu.edu²Центр детско-юношеского туризма и краеведения**ШАТРОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ УРОЧИЩА ОБОНДОЙ (ПРИОЛЬХОНЬЕ)****Введение**

Конструкции из каменных плит, поставленных на ребро под наклоном к центру, напоминающие по внешнему виду шатёр, попали в поле зрения ученых, изучающих далекое прошлое Прибайкалья, еще в конце XIX в. После раскопок в местности Абазаев утун Н.Н. Агапитов пришел к заключению, что шатровые кладки являются погребальными конструкциями, возводившимися над кремированными останками умерших (Агапитов, 1881). Оригинальность сооружения привлекала внимание многих ученых, но бедность находок не позволяла сразу определиться с их хронологическими и культурно-этническими характеристиками. А.М. Мандельштам дал этим сооружениям название «шатровые могилы» (Мандельштам, 1974). В 1959 г. им исследован большой «шатровый могильник», расположенный вблизи озера Нуры (юго-западная оконечность острова Ольхон). Ученый согласился с предположением о захоронении под шатровыми конструкциями людей по обряду трупосожжения. Памятник датирован VIII–IX вв. н.э.

В 1980 г. вышла монография И.В. Асеева «Прибайкалье в средние века». Автор на основании изучения памятников Куркутский комплекс I и II, содержащих большое количество шатровых конструкций, поддержал точку зрения предшественников об интерпретации шатровых кладок как захоронений людей по обряду кремации (Асеев, 1980).

В 80-е гг. XX в. появилась еще одна гипотеза, объясняющая функциональное назначение шатров. По мнению В.В. Свирина, это не что иное, как ритуальные сооружения, связанное с захоронением послеродового человеческого постола (Свирин, Зайцев, 1982). М.А. Зайцевым обосновывается узкая датировка шатровых сооружений IX–X вв. н.э. (Зайцев, 1989). Правда,

несколько позже, в статье посвященной памятнику Куркут I, исследователь, соглашаясь с мнением своих соавторов, датирует исследованные на нем шатры VIII–X вв. (Зайцев и др., 1996).

Б.Б. Дашибалов считает возможным рассматривать шатровые сооружения как поминальные комплексы курумчинской культуры и соотносит время их существования с двумя периодами курумчинской культуры: куркутским (VI–VII вв. н.э.) и бодонским (VIII–X вв. н.э.) (Дашибалов, 1995).

На основании анализа материалов, полученных при изучении памятников Сохтер I, Куларинский могильник, Куркут IV и Тодакта II, Т.Ю. Номоконова и О.И. Горюнова определяют два хронологических этапа распространения шатровых конструкций на территории Приольхонья: VI–VII и VII–X вв. н.э. (Номоконова, Горюнова, 2002).

В 90-х г. окончательно утвердилось представление о шатровых конструкциях как о поминальных — ритуальных комплексах, состоящих из каменной конструкции, инвентаря и остатков ритуальных действий, не связанных с захоронением умершего (Харинский, 2002). Территория распространения подобных сооружений ограничивается Приольхоньем, хотя отдельные поминальные конструкции, напоминающие шатровые, встречаются и в других частях Прибайкалья. Относительно датировки шатровых комплексов у исследователей пока не сформировалось единого мнения.

Очередная попытка определить конструктивные, функциональные и хронологические особенности шатровых конструкций Приольхонья была предпринята в 1999–2000 гг. В течение двух полевых сезонов сотрудники ИргТУ при помощи юных археологов Центра детско-юношеского туризма и краеведения (руководитель М.Л. Бородина) занимались исследованием археологических объектов, расположен-

ных на юго-западном берегу Мухорского залива озера Байкал (рис. 1). В ходе проведения сплошной археологической разведки в окрестностях пади Сохотор-Елга выявлено несколько археологических объектов, включавших и поминальные конструкции. Три из них располагались в урочище Обондой, примыкающем с северо-востока к пади Саган-Булык (рис. 11). С юго-запада на северо-восток урочище пересекает проселочная дорога, соединяющая бухты Хагун и Сохтер с трассой Еланцы — Хужир. Урочище можно отнести к числу тех участков Приольхонья, на территории которых представлены преимущественно степные ассоциации трав, соседствующие с одиноко растущими лиственницами.

Исследованные в урочище Обондой поминальники обладают определенной индивидуальностью в оформлении каменных кладок. Исходя из морфологических и конструктивных особенностей их можно разделить на несколько типологических групп. Большая часть обондойских поминальников представлена *шатровыми конструкциями* — сооружениями из каменных плит, организующими замкнутое конусообразное пространство с вертикальной осью симметрии. Средние размеры шатровых конструкций: диаметр основания — 1,5 м, высота шатра — 0,45 м, наибольшая длина плит — 1,2 м, угол наклона основных плит — 50° (Зайцев и др., 1996). К другой группе относятся *плоские кладки* круглой или кольцевой формы. Еще одну группу составляют кольцевые кладки, состоящие из нескольких слоев каменных плит, уложенных как наклонно, так и горизонтально. Эта группа поминальных конструкций занимает промежуточное положение между оградками, плоскими и куполообразными кладками (Асеев, 1980: 43-44; Дашибалов, 1995: 77-79; Харинский, 2002), поэтому назовем их *куполообразными оградками*. Эти конструкции, как и оградки, замыкают пространство. Правда, в отличие от последних, они сооружены не из вертикально установленных плит, а из камней, имеющих различную ориентировку (горизонтальную, наклонную, вертикальную). В разрезе кольцевая конструкция имеет вид сегмента (купола), состоящего из хаотично набросанных камней.

До начала раскопок определить по внеш-

нему виду каменных конструкций их функциональное назначение бывает очень проблематично. Зачастую схожие кладки имеют как захоронения, так и поминальники. Поэтому для того чтобы избежать ошибки в дальнейшей идентификации искусственных каменных конструкций, их вместе с другими элементами ритуальных действий будем именовать комплексами. Комплекс включает все искусственные элементы, сформировавшиеся в результате ритуальных действий, связанных с организацией археологического объекта. В его состав входят: наземная каменная конструкция, яма, искусственные сооружения внутри ямы, останки погребенного, сопроводительный инвентарь и следы ритуальных действий (угли, кости животных и т.д.).

Обондой I

Одиночный поминальник Обондой I находится в 2,5 км к востоку от пос. Черноруд, с северо-восточной стороны останца, лежащего в юго-западной части урочища Обондой, в его приустьевой части (рис. 11). Памятник открыт в 1994 г. археологическим отрядом Иркутского университета (А.В. Харинский). В 1999 г. проведен его осмотр и описание.

Кладка шатрового типа с основанием овальной формы, размером 1,3x1,5 м, ориентирована длинной осью по линии ЮЗ-СВ. С северо-западной стороны конструкции находится плита, установленная на боковую грань и наклоненная к центру кладки. Ее размеры 7x23x90 см. С юго-восточной стороны конструкции установлена подобная же плита, размером 3x13x85 см. С внешней стороны ее подпирает еще одна плита, размером 2x20x45 см. С юго-западной стороны кладки находится плита 3x40x34 см, установленная на торцевую грань. Две более мелкие наклонные плиты находятся в северо-восточной части конструкции. Раскопки шатрового сооружения не производились.

Обондой II

Памятник Обондой II находится в 3 км к СВВ от пос. Черноруд, на юго-восточном борту пади Обондой, в 0,3 км к северо-востоку от дороги Еланцы—Хужир. На памятнике отмечено

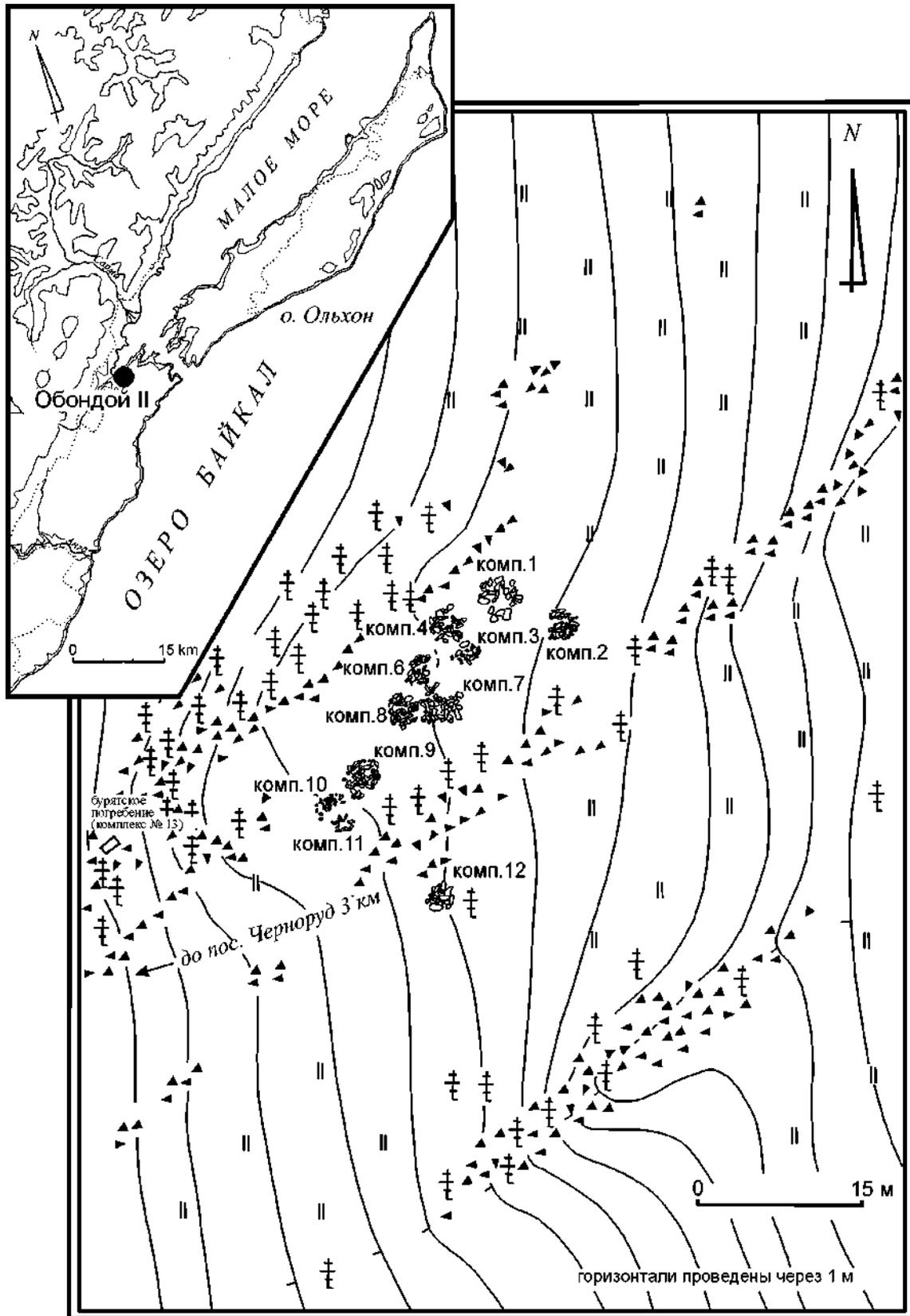

Рис 1. Карта расположения местонахождения Обондой II

Fig. 1. Obondoy 2 site map

12 каменных кладок, расположенных в микролощине, окаймленной с северо-западной и юго-восточной сторон грядами скальных выходов (рис. 1). Одна из кладок — № 12 располагается обособленно от остальных конструкций памятника, к югу от юго-восточной скальной гряды. Вдоль гряд скальных выходов произрастают лиственницы, расположенные между ними микролощины, в основном, не залесены.

Изучение памятника происходило в течение 1999–2000 гг. В 1999 г. на Обондое I вскрыто семь поминальных комплексов — № 1–4, 8, 9, 12. В 2000 г. исследование памятника завершено, раскопано четыре комплекса — № 6, 7, 10 и 11.

Юго-западная оконечность скальной гряды, окаймляющая Обондой I с северо-запада, оканчивается крутым склоном, поросшим лиственницами. У одного из скальных блоков, расположенных вдоль склона, находится наземное бурятское погребение (комплекс № 13). Раскопки захоронения не производились.

Кладка **комплекса № 1** круглой кольцевой формы диаметром 2,8 м, высотой 38 см (рис. 2–1). Во внутренней части камни отсутствовали. Пространство свободное от камней овальной формы, ориентировано по линии север-юг. Его размеры 0,7х1,2 м. В восточной и северо-восточной частях конструкции камни установлены наклонно к центру кладки. Угол наклона камней составляет 48°, они располагаются в 3–4 ряда. В южной и западной частях кладки камни уложены горизонтально в 2–3 слоя (рис. 2–3, 4). Размер камней от 10х18 см до 45х73 см. В центре конструкции обнаружен фрагмент трубчатой кости животного.

После разборки кладки, в ее центре зафиксировано 7 горизонтально уложенных каменных плит и 6 плит, установленных наклонно (рис. 2–2). Возле них найдены железные однокольчатые удила. Одно из колец обломано (рис. 2–5).

комплекс № 2 находился в 4 м к юго-востоку от комплекса № 1. Кладка комплекса овальной формы размером 2,6х3,0 м, ориентирована длинной осью по линии север-юг (рис. 3–1). В ее северо-восточной части фиксируется шатровая конструкция высотой 55 см (рис. 3–3, 4). Диаметр основания шатра 1,25 м. Камни располагались наклонно к центру кладки, в 5–6 рядов. Плиты 1-го и 2-го внешнего рядов уста-

новлены под углом 48–55°. Плиты внутренней части шатра (3–6 рядов) находились под углом 30–35°. С южной и юго-западной сторон кладки шатровая конструкция частично разрушилась, и плиты лежали горизонтально. Размеры камней от 12х17 см до 40х63 см. В северной части конструкции, среди камней, обнаружены древесные угли.

В основании кладки, в ее центральной части, найден глиняный плоскодонный сосуд (рис. 3–5). Он располагался вверх дном. С северной, восточной и юго-восточной сторон сосуд окружен каменными плитами, установленными наклонно (рис. 3–2).

комплекс № 3 находился в 3 м к юго-западу от комплекса № 1 и примыкал с юго-востока к комплексу № 4. Кладка комплекса овальной формы размером 1,3х1,6 м, ориентирована длинной осью по линии запад-восток (рис. 4–2). Возможно, первоначально она была круглой. Ее высота 26 см. Конструкция сложена в виде шатра (рис. 4–3, 4). Диаметр основания шатра 1,3 м. Камни располагались наклонно к центру кладки, в 3–4 ряда. Плиты внешнего ряда установлены под углом 33–37°, плиты внутреннего ряда находились под углом 50–83°. С северо-западной стороны кладка частично разрушилась, несколько камней приобрели горизонтальное положение. Размеры камней конструкции от 8х12 см до 32х63 см. В ее северной части, среди камней, обнаружены древесные угли.

комплекс № 4 с северо-западной стороны примыкал к комплексу № 3. До расчистки кладка комплекса воспринималась как две отдельные шатровые конструкции. Юго-восточная часть кладки получила № 4, а северо-западная № 5. В результате раскопок выяснилось, что кладки № 4 и 5 образуют единую конструкцию, за которой был закреплен № 4 (рис. 4–1). Она овальной формы размером 1,85х2,6 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Камни уложены, преимущественно, горизонтально, неплотно в 1–2 слоя (рис. 4–3, 4). Высота конструкции 0,3 м. С северо-западной и восточной сторон кладки несколько камней установлены наклонно. Определенной направленности у наклонных плит не отмечено. Размеры камней от 5х5 см до 33х53 см. Меньше всего камней фиксируется в северо-восточной части кладки, возможно, она

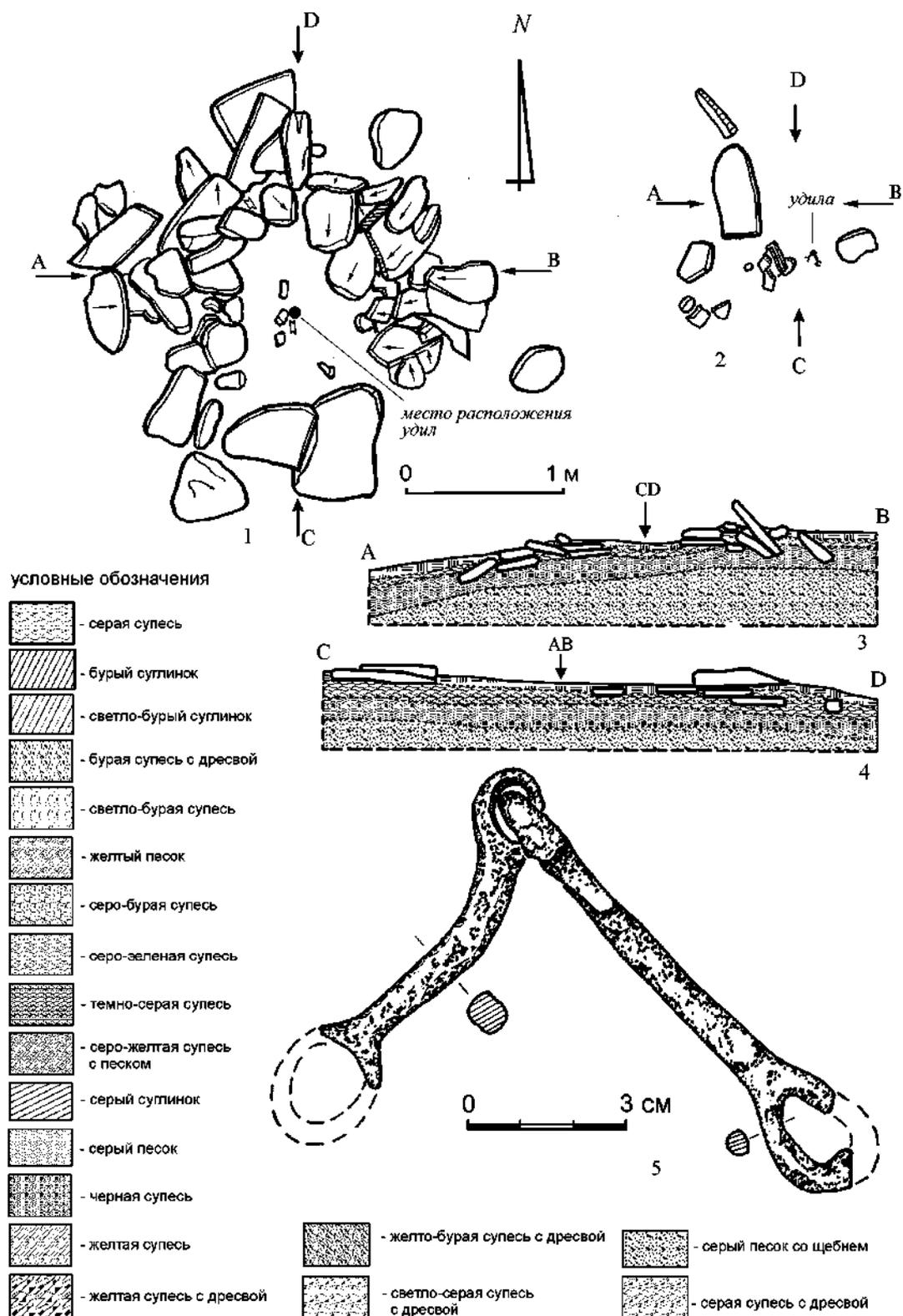

Рис 2. Обондой II. Комплекс № 1. 1- кладка после расчистки; 2 — нижний уровень кладки; 3, 4 — разрезы; 5 — железные удила

Fig. 2. Obondoy 2. Complex 1. 1 — mound after clearing; 2 — bottom level of the mound; 3, 4 — profiles; 5 — iron bit

Таблица 1
Конструктивные особенности поминальников из урочища Обондой

Название памятника и номер комплекса	Форма кладки	Размер кладки (м)	Высота кладки (м)	Количество рядов (слоев)	Положение камней	Следы разрушения
Обондой II						
№ 1	куполообразная оградка	д. 2,8	0,38	2-3	горизонтально и наклонно	Ю сторона
№ 2	шатровая	д. 1,25	0,55	5-6	30-55°	Ю сторона
№ 3	шатровая	д. 1,3	0,26	3-4	33-83°	СЗ сторона
№ 4	плоская овальная	1,85 x 2,60	0,3	1-2	горизонтально и наклонно	СВ сторона?
№ 6	куполообразная оградка	1,6 x 2,2	0,25	2-3	горизонтально и вертикально	СВ сторона
№ 7	куполообразная с шатром	шатер д. 2	0,55	от 2-4 до 6-8	шатер 30°	З, В и частично С
№ 8	куполообразная оградка	2,8 x 3,5	0,25-0,35	1-3	горизонтально и вертикально	Ю сторона
№ 9	куполообразная оградка	д. 2,2	0,3	3-5	30-35°	С сторона
№ 10	плоская овальная	4 x 3	до 0,2	1-2	горизонтально, 6 камней до 20°	нет
№ 11	плоская кольцевая	3,0 x 2,5	до 0,2	1	горизонтально	нет
№ 12	шатровая	д. 1,2	0,37	3-4	13-43°	нет
Обондой V						
№ 2	плоская с шатром	шатер д. 1,5	шатер 0,5	3-7	шатер 20-50 °	З и Ю стороны

разрушена. Находок не обнаружено.

комплекс № 6 располагался в 2,5 м к юго-западу от комплекса № 4. Кладка овальной формы, вытянута по линии СВ-ЮЗ, состояла из каменных плит размером от 55x45 см до 20x30 см (рис. 5-1). Камни образуют кольцо размером 1,6x2,2 м и высотой до 0,25 м. Размеры внутренней части кладки, свободной от камней, составляют 0,5x1,0 м. Кольцо кладки состоит из беспорядочно уложенных в 2-3 слоя камней (рис. 5-3, 4). Конструкция напоминает куполообразную насыпь с пустотой посередине. Северо-восточная часть кольца разрушена. В 0,6 м к северо-востоку от кладки обнаружен фрагмент трубчатой кости животного.

комплекс № 7 находится в 1 м к с юго-востоку от комплекса № 6. Его кладка овальной формы, размером 2,5x4 м, сложена из камней размером от 45x55 см до 20x15 см. Конструкция вытянута по линии запад-восток (рис. 5-2). В восточной части конструкции фиксирует-

ся шатровая кладка. Южная и северная стенки кладки образованы плитами, установленными под углом 30° к центру конструкции. Северная стенка образована 2-4 рядами плит, южная — 6-8 рядами (рис. 6-2, 3). Западная и восточная стенки у шатра отсутствуют, северная частично разобрана. Вероятно, при разрушении шатра часть плит была переброшена к западу, где они образовали небольшую курганообразную кладку мощностью до 30 см. Диаметр основания сохранившейся части шатра равен 2 м, высота конструкции 0,55 м. Под центральной частью шатра зафиксировано скопление камней, составляющее второй уровень кладки, размером 1,0x0,5м, ориентированное по линии север-юг.

комплекс № 8 локализовался в 6 м к юго-западу от комплекса № 4. Каменная кладка комплекса круглой формы размером 2,8x3,5 м, ориентирована длинной осью по линии север-юг (рис. 7-1). Во внутренней части конструкции камни отсутствуют. Пространство свободное

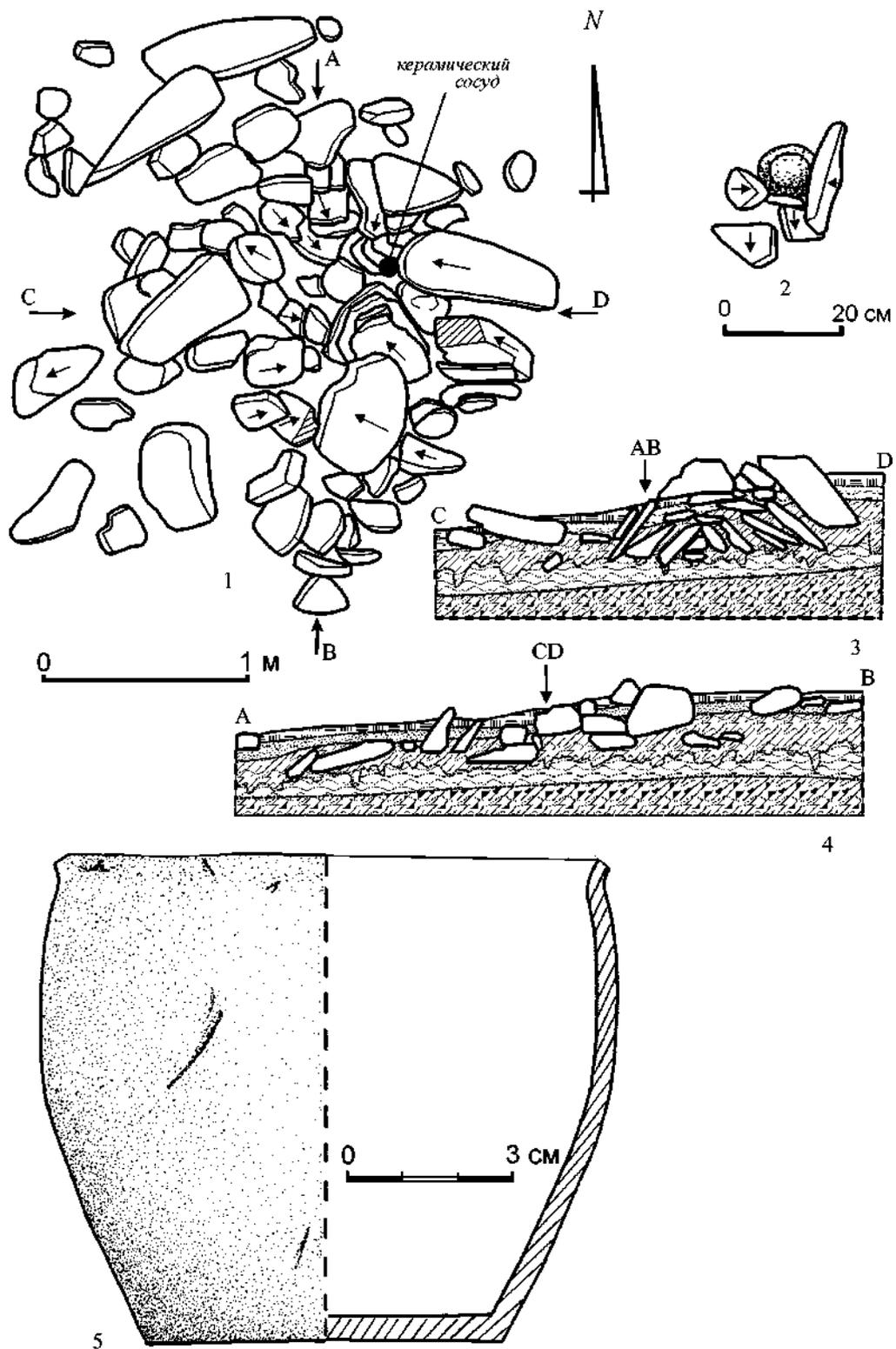

Рис 3. Обондой II. Комплекс № 2. 1 — кладка после расчистки; 2 — нижний уровень кладки, 3, 4 — разрезы, 5 — керамический сосуд

Fig. 3. Obondoy 2. Complex 2. 1 — mound after clearing; 2 — bottom level of the mound; 3, 4 — profiles; 5 — pottery

от камней овальной формы размером 0,6x1,6 м, ориентированное по линии север-юг. Камни кольца уложены преимущественно в два слоя. Конструкция напоминает куполообразную насыпь с пустотой посередине. Камни верхнего слоя располагаются горизонтально. С северо-восточной, юго-западной и западной сторон несколько плит установлено наклонно (рис. 7–2, 3). Определенной закономерности в наклоне плит не наблюдается. В нижнем слое конструкции значительная часть камней располагалась вертикально или наклонно, а в центре конструкции отмечены горизонтально уложенные плиты. Вероятно, южная часть кладки частично разрушена. Археологический материал в районе кладки отсутствовал.

комплекс № 9 находился в 5 м к юго-западу от комплекса № 8. Кладка комплекса овальной формы размером 2,9x3,7 м, ориентирована длинной осью по линии юго-запад — северо-восток (рис. 8 — 1). В юго-западной части конструкции находится несколько разрозненных, горизонтально уложенных камней. Возможно, первоначально кладка была круглой, но затем ее северная часть подверглась разрушению, и извлеченные из нее камни перебросили к югу. Высота кладки 30 см, диаметр основания 2,2 м. Камни располагались наклонно к ее центру под углом 30–35°, в 3–5 слоев (рис. 8–2, 3). Размеры камней конструкции от 10x17 см до 35x82 см. Во внутренней части кладки камни отсутствуют. Пространство свободное от камней круглой формы диаметром 70 см. Находки не обнаружены.

комплекс № 10 локализуется в 1 м к юго-западу от комплекса № 9. Кладка комплекса плоская, овальной формы, размером 4x3 м, ориентирована по линии СЗ — ЮВ (рис. 9–1). Она сложена из неплотно прилегающих друг к другу плит размером от 60x35 см до 35x30 см (рис. 9–2, 3). В северо-восточной части кладки камни располагаются в 2 слоя, 6 камней установлены под углом 10–20°. Остальные камни располагаются горизонтально в один слой. Археологический материал отсутствует.

комплекс № 11 расположен в 1 м к юго-востоку от комплекса № 10. Его кладка плоская, овальной кольцевой формы, размером 3,0x2,5 м (рис. 9–2). Конструкция вытянута по линии З — В. Она сложена из неплотно прилегающих друг

к другу камней размером 35x40 см (рис. 9–5, 6). Свободное от камней пространство внутри кладки размером 0,6x1,0 м. Следов разрушения кладки не зафиксировано.

комплекс № 12 находился в 11 м к юго-западу от комплекса № 9, за грядой скальных выходов. Кладка шатрового типа, диаметр основания 1,2 м (рис. 10–1). Ее высота 37 см. Камни располагались наклонно к центру конструкции, в 3–4 ряда. Плиты трех внешних рядов установлены под углом 26–43°, плиты внутреннего ряда находились под углом 13–25° (рис. 10–2, 3). Размеры камней конструкции от 6x11 см до 40x75 см. В центре кладки располагаются преимущественно мелкие камни. Кладка не подверглась разрушению.

Среди камней кладки найдены фрагменты гладкостенного сосуда (рис. 10–4). В южной и восточной частях конструкции зафиксированы древесные угли. У ее западного края обнаружен железный нож, развернутый острием на восток (рис. 10–5).

Обондой V

В ходе разведочных работ в 1999 г. на северо-западном склоне урочища Обондой выявлен археологический объект, состоящий из 8 поминальных комплексов и получивший название Обондой V. Он находится в 3,1 км к востоку от пос. Черноруд и в 350 м к северо-западу от памятника Обондой II, у гряды скальных выходов, тянущейся вдоль правого борта урочища (рис. 11). Памятник состоит из четырех групп поминальных конструкций. Комплексы № 1 и 2 находятся в его южной части, к востоку от скальной гряды. Комплексы № 3–5 располагаются в южной части памятника, к западу от скальной гряды. Комплексы № 6 и 7 локализируются в средней части археологического объекта, к востоку от скальной гряды. Комплекс № 8 располагается в северной части памятника к северо-западу от гряды скальных выходов.

В 2000 г. на Обондой V вскрыт только комплекс № 2, остальные конструкции не раскапывались. После расчистки кладки выяснилось, что она четырехугольной формы, размером 3x3 м (рис. 12–1). Западная и южная части конструкции состояли из горизонтально уложенных в 1–2 слоя камней. В северо-восточной ча-

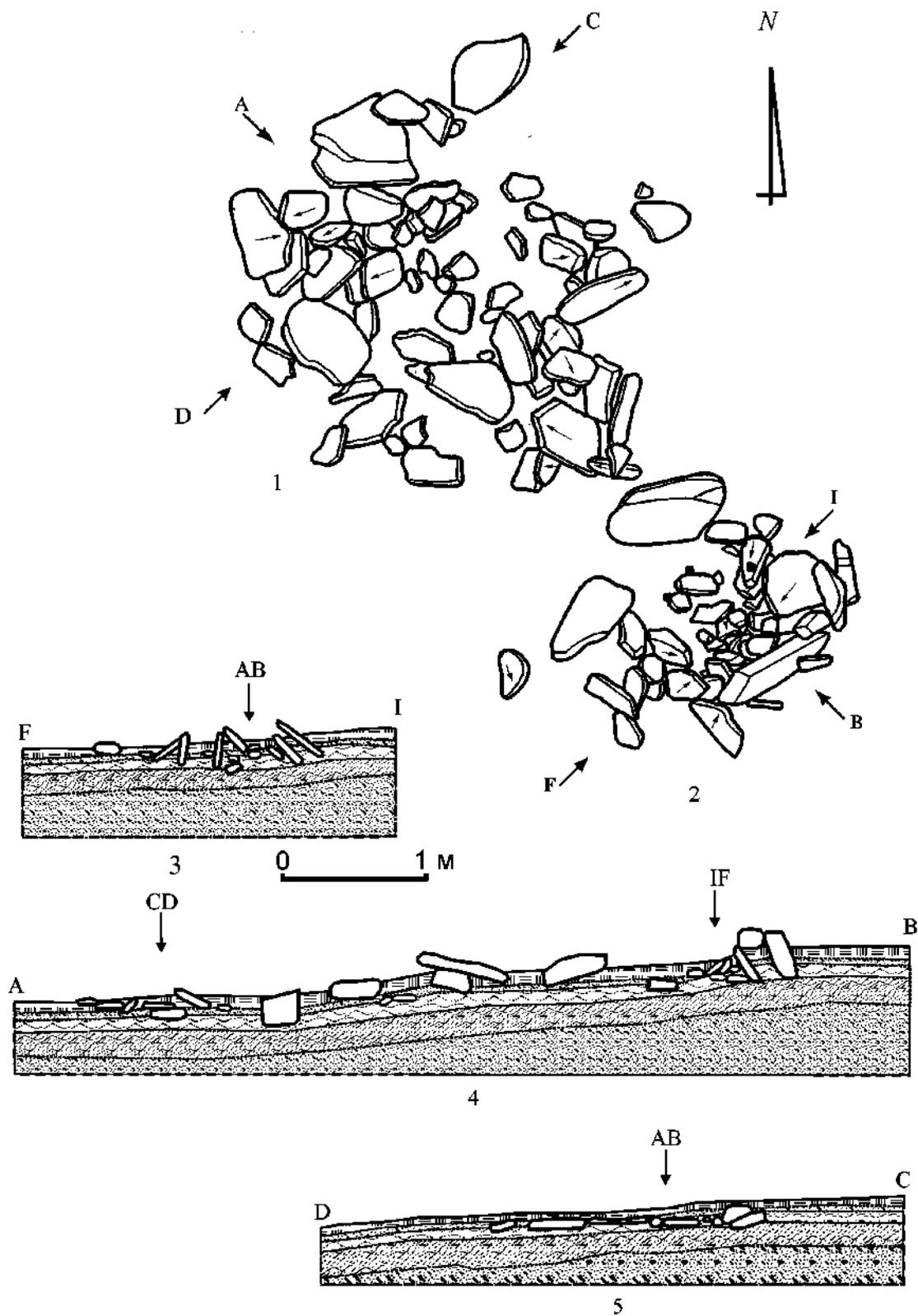

Рис 4. Обондой II. 1- кладка комплекса № 4 после расчистки;
 2 — кладка комплекса № 3 после расчистки, 3-5 — разрезы комплексов № 3 и 4

Fig. 4. Obondoy 2. 1 — mound of complex 4 after clearing; 2 — mound of complex 3 after clearing;
 3-5 — profiles of complexes 3 and 4

сти кладки располагалась шатровая конструкция диаметром 1,5 м. Она сложена из плит размером от 30x25 см до 10x15 см. С восточной и северной сторон шатра располагается 7 рядов плит, с западной и южной — 3-4 ряда плит (рис. 12–3, 4). Вероятно, юго-западная часть кладки подверглась разрушению. Именно в этом направлении в районе памятника идет понижение склона, вследствие чего плиты, составлявшие шатер образовали плоскую выкладку. Высота конструкции 0,5 м. Большая часть плит, образывавших шатер, установлена под углом 40-50° к центру конструкции. Плиты с восточной стороны шатра располагались под углом 20-30°. Под центром шатра, на глубине 0,4 м, обнаружен плоский камень круглой формы диаметром 25 см, оббитый со всех сторон (рис. 12–2). Назначение и использование данного предмета установить не удалось. Другие находки во время раскопок комплекса № 2 обнаружены не были.

Конструктивные особенности кладок

В 1999-2000 гг. в урочище Обондой вскрыто 12 поминальников (табл. 1). Пять из них относятся к группе шатровых (Обондой II — 2, 3, 7, 12, Обондой V — 2) три к группе плоских (№ 4, 10, 11) и четыре к куполообразным оградкам (№ 2, 6, 8, 9). Несколько кладок разрушено. Плиты, когда-то составлявшие часть конструкции, отсутствуют. Следы разрушения фиксируются у четырех шатровых, одной плоской и всех купольных оградок. Плиты, утратившие свое первоначальное положение, как правило, располагались вблизи кладки. Они образовывали новую искусственную конструкцию, частью которой становилась первоначальная кладка. Так, при разрушении шатра комплекса № 7, к западу от него образовалась купольная конструкция. При разрушении шатра комплекса № 2 Обондой V сформировалась плоская кладка. О том, что эту кладку разрушили по прошествии значительного времени после сооружения, свидетельствует расположение снятых с обкладки шатра плит. Во время разборки шатровой конструкции мародеры отбрасывали камни вниз по склону — в западном или юго-западном направлении. В стратиграфическом разрезе кладки заметно, что они в отличие от плит шатра,

основание которых приурочено к слою серобурой супеси, горизонтально располагаются в вышележащем слое дерна (рис. 12–3, 4).

Шатровые кладки из урочища Обондой имели высоту от 0,37 до 0,55 м и диаметр основания от 1,2 до 2,0 м. Плиты устанавливались в 4-5 рядов. Внутри конструкции располагались более мелкие плиты длиной до 0,5 м, снаружи более крупные — длиной до 0,7 м. Угол наклона плит к центру конструкции составлял от 30-55°. Подобные параметры характерны для большинства шатровых конструкций Приольхонья. Каких-либо дополнительных конструкций под шатрами или возле них зафиксировано не было.

Плоские кладки на Обондой II представлены двумя типами — сплошная овальная и кольцевая. Камни кладок располагаются неплотно друг к другу. Большинство из них уложены горизонтально в 1-2 слоя, но встречаются и наклонные камни. Размер овальных кладок 1,85x2,60 м и 4,0x3,0 м, кольцевой 2,5x3,0 м.

Куполообразные оградки круглой формы. В результате разрушения некоторые из них приобрели овальную форму. Диаметр кладок 2,2-2,8 м, высота 0,25-0,38 м. Диаметр внутреннего пространства, свободного от камней, составляет в среднем 0,5-0,8 м.

Несмотря на конструктивные отличия, поминальники Обондой II располагаются компактно, иногда вплотную примыкая друг к другу. Вероятно, это обусловлено культурно-хронологической близостью этих конструкций. Не исключено, что они были оставлены родственной группой людей. Несколько в стороне от основной массы поминальников располагается комплекс № 12. Его конструктивные параметры не отличаются от других шатровых конструкций Обондой II, поэтому он вполне может считаться одним из составных элементов памятника.

Шесть поминальников Обондой II выстроены в ряд, ориентированный по линии ЮЗ-СВ. Составляющие его комплексы располагаются на расстоянии от 1 до 4 м друг от друга. Четыре кладки этого ряда имеют конструкцию в виде куполообразной оградки. Две кладки плоские. К юго-востоку от кладок, образующих ряд, располагаются комплексы, составляющие им пару. Исключением является только кладка № 8, у ко-

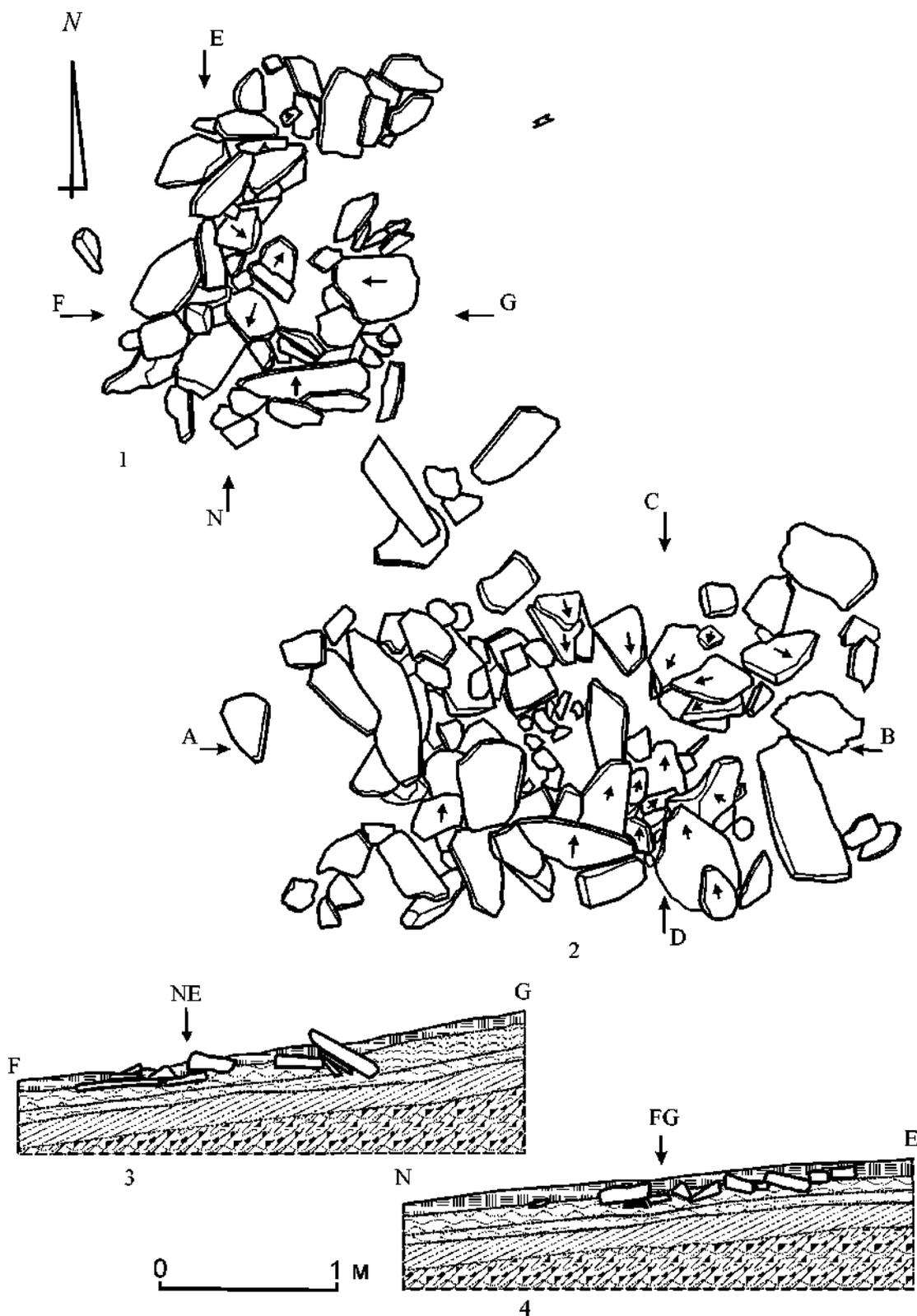

Рис. 5. Обондой II. 1 — кладка комплекса № 6 после расчистки; 2 — кладка комплекса № 7 после расчистки; 3, 4 — разрезы комплекса № 6

Fig. 5. Obondoy 2. 1 — mound of complex 6 after clearing; 2 — mound of complex 7 after clearing; 3, 4 — profiles of complex 6

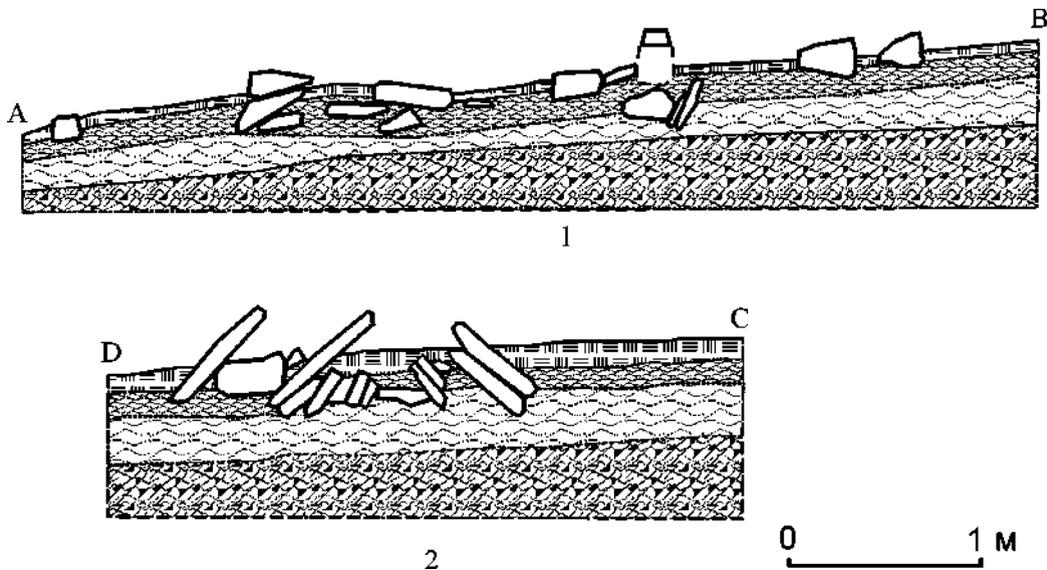

Рис. 6. Обондой II. Комплекс № 7, разрезы

Fig. 6. Obondoy 2. Complex 7, profiles

торой нет парной конструкции. Парные кладки в большинстве своем шатрового типа. Лишь кладка комплекса № 11 плоская. Расстояние между парными кладками различное. Кладки комплексов № 3 и 4, 6 и 7 примыкают друг к другу, а кладка комплекса № 12 располагается в 10 м от комплекса № 9. Имеет ли выявленная на Обондое II планиграфия поминальных конструкций какое-либо значение, пока не ясно. Лишь анализ данных с других подобных памятников позволит судить более определенно о зафиксированных особенностях.

Инвентарь из поминальных кладок

Керамические сосуды, обнаруженные в комплексах № 2 и № 12 Обондоя II, гладкостенные и имеют плоское дно. У них прямой, скошенный наружу венчик. На сосуде из комплекса № 2 орнамент отсутствует, его высота 9 см, диаметр венчика — 10,1 см, диаметр шейки (контрактуры) — 9,9 см, наибольший диаметр тулова — 10,4 см, диаметр дна — 6,5 см (рис. 3–5). Сосуд состоит из устья высотой 0,5 см, тулова высотой около 7,2 см и придонной части высотой 1,3 см. Наибольшая толщина стенок сосуда фиксируется в нижней части тулова и в районе дна — 0,5 см. Толщина венчика 0,4 см.

Сосуд из комплекса № 12 был реконструи-

рован. Его первоначальные размеры составляли: высота около 13 см, диаметр венчика — 11,7 см, диаметр шейки (контрактуры) — 11,4, наибольший диаметр тулова — 12,2 см (рис. 10–4). Он состоит из устья высотой 1 см и удлиненного тулова высотой около 12 см. Наибольшая толщина стенок сосуда фиксируется в нижней части тулова — 0,7 см. Толщина венчика 0,5 см. Сосуд украшен прочерченным скобовидным орнаментом, идущим на расстоянии 1,6–1,7 см от верхнего края венчика. Скобовидные элементы располагаются горизонтально, их концы загнуты вниз. Поперек прочерченного орнамента приостренным предметом на расстоянии 0,2–0,3 см друг от друга нанесены сегментовидные вдавления. Под скобовидной линией на расстоянии 1,8–3,7 см друг от друга находится ряд ямочек диаметром 0,4 см.

Сосуд с подобной орнаментацией встречен в Приольхонье второй раз. Впервые украшенная таким образом керамика найдена в погребении № 6 могильника Елга VII. На основании сопроводительного инвентаря и погребального ритуала, захоронение с горшком, украшенным скобовидным рассеченным орнаментом, датировано V–VIII вв. (Горюнова, Пудовкина. 1995: 173). Хотя сосуд из Елги VII крупнее, чем горшок из Обондоя II, пропорции обеих емкостей очень близки. Высота елгинского сосуда 22 см,

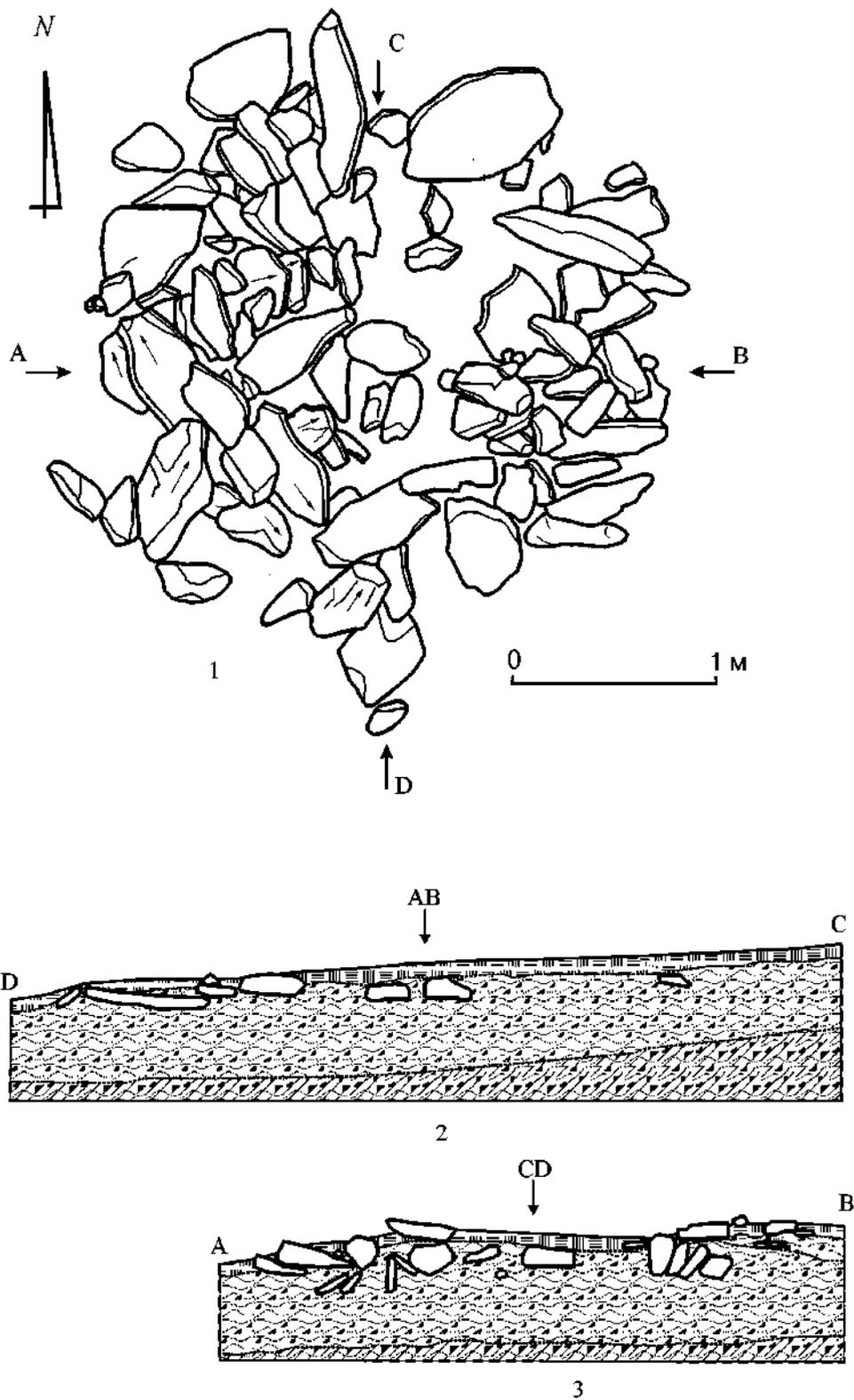

Рис 7. Обондой II. Комплекс № 8. 1 — кладка после расчистки; 2, 3 — разрезы

Fig. 7. Obondoy 2. Complex 8. 1 — mound after clearing; 2, 3 — profiles

диаметр венчика — 18 см, диаметр шейки — 16 см, наибольший диаметр тулова — 20 см, диаметр дна — 9 см. Он состоит из устья высотой 1 см, удлиненного тулова высотой 16,8 см и придонной части высотой 4,2 см.

Наличие сосуда со скобовидным рассеченным орнаментом в погребении черенхынско-го типа (Елги VII — 6) позволяет его датировать периодом не ранее V в. н.э. Именно с этого времени подобные захоронения распространяются в Приольхонье и продолжают бытовать до IX в. (Харинский, 2001: 114), поэтому предложенная О.И. Горюновой и Е.А. Пудовкиной датировка погребения № 6 V–VIII вв. выглядит вполне правомерной. Прочерченный скобовидный орнамент является модификацией налепных валиков с загибающимися вниз концами, которыми украшалась приольхонская керамика в конце I тыс. до н.э. — первой половине I тыс. н.э. Один из сосудов с подобной орнаментацией обнаружен И.В. Асеевым во время раскопок могилы 5 Куркутского комплекса II, являвшейся поминальным комплексом. Кладка поминальника сложена из неплотно пригнанных камней в один-два слоя в виде круга, центральная часть которого выбрана (Асеев, 1980: 50, рис. 38). На приольхонской керамике середины-конца I тыс. н.э. уже не встречаются налепные валики, их заменяют прочерченные горизонтальные или скобчатые линии.

К настоящему времени наиболее ранний сосуд с прочерченным скобовидным орнаментом обнаружен в поминальнике № 41 Курмы XII. Кладка поминальника овальная сплошная, размером 3,8х6 м, сложена из камней в 2-3 слоя и ориентирована по линии юго-запад — северо-восток. (Харинский, 1999). По нагару на стенках горшка получена дата — 1530±35 л.н. (АА-37467), соответствующая с учетом калибровки V–VI вв. н.э. Сосуды с прочерченным скобчатым орнаментом, обнаруженные в двух захоронениях черенхынского типа — Ольхон — 3 и Черенхын I — 40, датируются Б.Б. Дашибаловым VI–VII вв. (Дашибалов, 1995). На многослойном поселении Катунь I (западный берег Чивыркуйского залива) слой, включающий керамику, украшенную скобчатым орнаментом, также датирован VI–VII вв. (Горюнова, Новиков, 1997). К этому же времени указанную керамику относит и Т.Ю. Номоконова, анализиру-

ющая материалы с поминальников Сохтер I и Куркут IV — 21 (Номоконова, Горюнова, 2002; Номоконова, 2005).

Железные изделия, найденные на Обондое II, представлены однокольчатыми удилами (рис. 2–4) и ножом (рис. 10–5). Удила выполнены из железа методомковки, со звеньями неравномерной длины. Длина одного звена около 8,7 см, другого 10 см. С двух сторон звеньев располагаются кольца овальной формы. Меньшие (внутренние) кольца размером 0,8х1,2 см (внутренний размер) служат для соединения звеньев. Толщина колец 0,3–0,4 см, сечение округлое. К большим (внешним) кольцам размером 0,8х1,5 см крепился повод. В них, вероятно, вставлялись роговые или костяные псаляии. Толщина колец 0,4–0,6 см, сечение округлое. Грызло удил в сечении имеет прямоугольную форму.

Удила, подобные обондойским, уже встречались в шатрах. Под камнями кладки № 6 Куркутского комплекса II И.В. Асеевым были обнаружены однокольчатые удила с двухдырчатыми псаляиями. На основании этой находки исследователь отнес наиболее ранние шатры к VI в. н. э., хотя и указал, что данный тип удил бытует на протяжении всего I тыс. н. э. (Асеев, 1980: 129). Б.Б. Дашибалов поддержал его точку зрения, отметив, что чаще всего удила с двухдырчатыми псаляиями встречаются в ранних памятниках, и датировка ряда поминальников VI–VII вв. н. э. имеет под собой основания (Дашибалов, 1995: 91). Против датировки шатров серединой I тыс. н.э. выступил М.А.Зайцев. Он посчитал, что обнаруженный под шатровыми сооружениями археологический материал позволяет отнести их к IX–X вв. (Зайцев, 1989)

Действительно, двузвеньевые однокольчатые удила не могут являться четким временным индикатором для шатровых кладок. Подобные по форме удила, изготовленные из бронзы, встречаются уже в позднем бронзовом веке. Во второй половине VI в до н. э. — на рубеже V–IV вв. до н. э. происходит смена бронзовых удил железными (Могильников, 1997: 61, рис. 48–15), которые продолжали встречаться на археологических памятниках Южной Сибири до VIII в. (Поляков, 1983: 107, рис.4–3.), а возможно, и до IX–X вв. (Васютин, Елин, 1983: 121, рис. 3–9).

В Приольхонье двузвеньевые однокольча-

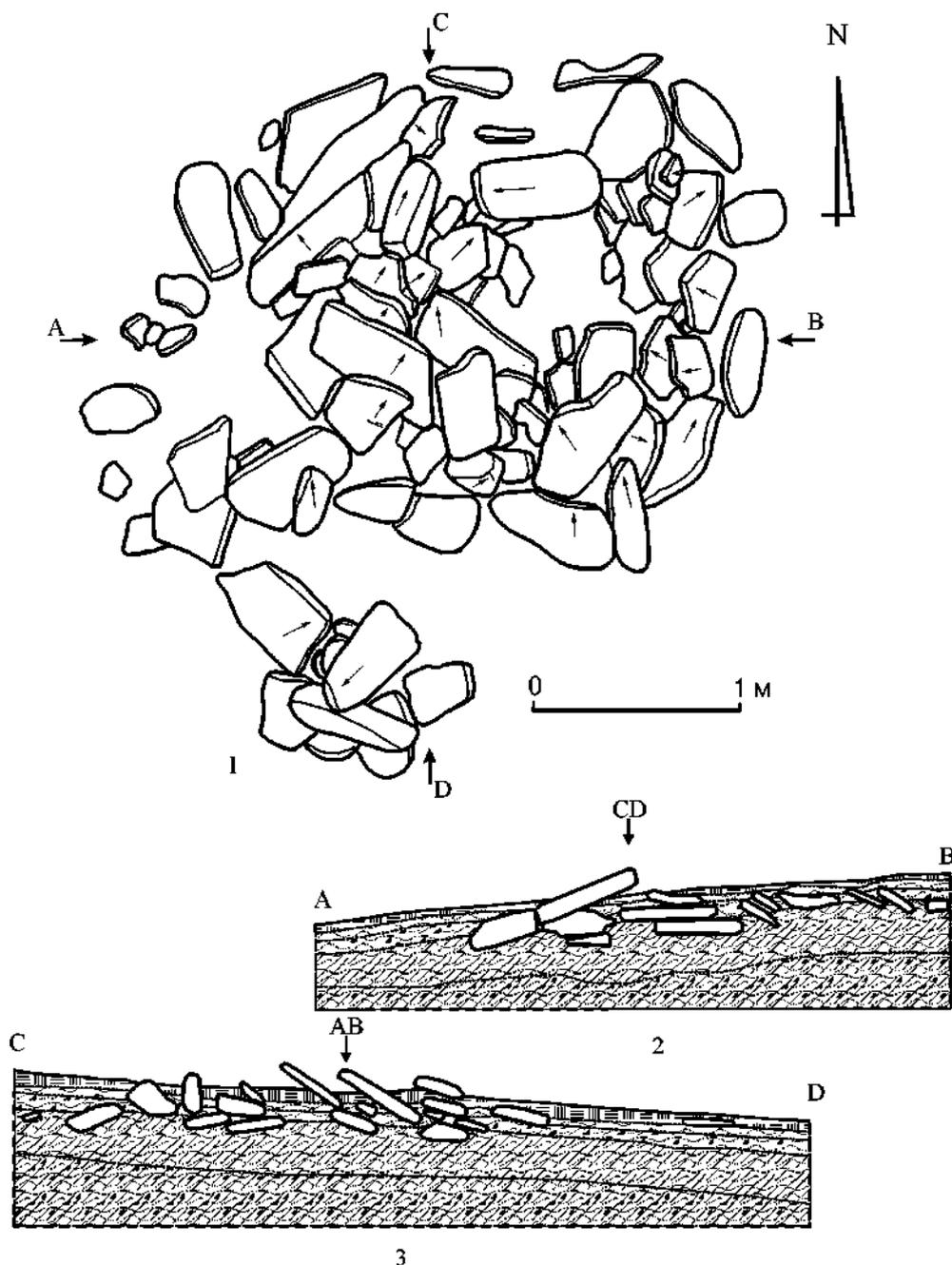

Рис 8. Обондой II. Комплекс № 9. 1 — кладка после расчистки; 2, 3 — разрезы

Fig. 8. Obondoy 2. Complex 9. 1 — mound after clearing; 2, 3 — profiles

тые удила не обнаружены в захоронениях второй половины I тыс. н.э., однако встречены в погребении № 16 могильника Елга VII, датированном концом I тыс. до н.э.—I тыс. н.э. (Горюнова, Пудовкина, 1995: рис. 4–1). К настоящему времени удила из этого захоронения являются самыми ранними надежно датировемыми железными удилами из Предбайкалья. К юго-востоку

от Байкала двузвенные однокольчатые железные удила получают широкое распространение в хуннское время (Коновалов, 1976: табл. VI, 2, 10, 12; Konovalov, 2008: pl. 33; Hunnu tombs..., 2003: fig. 21; Төрбат и др., 2003: 210, 227, 233, 248; Ероол-Эрдэнэ, 2004: рис. 13; Брайан и др., 2008: рис. 4–15). Вероятно, из Южного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. они стали проникать

в северные районы Прибайкалья, как и другие изделия, распространенные в хуннуской среде (Харинский, 2004).

Найденный в комплексе № 12 нож относится к группе ножей с лезвийным уступом и типу ножей с прямым клинком. Длина ножа 9,8 см, толщина 0,2-0,3 см. Длина клинка 5,8 см, ширина в основании 1,4 см. Лезвие и обух ножа прямые. Длина черешка 4 см, ширина в основании 0,7 см, ширина уступа 0,7 см. Линия соединения черешка и обуха клинка имеет тупой угол. Небольшие размеры изделия позволяют отнести его к ножам, использовавшимся для еды. Ножи только с лезвийным уступом используются на территории Прибайкалья на протяжении всего I тыс. н. э. Со II тыс. н. э. на прибайкальских ножах стали делать уже два уступа — лезвийный и обушковый.

Обсуждение

Археологические материалы, полученные во время раскопок поминальников Обондоя II, к сожалению, не позволяют установить узкую датировку памятника. Исходя из особенностей планиграфии, можно предположить, что все поминальные комплексы, невзирая на свои конструктивные особенности, сооружались одновременно. Совместное расположение разных типов поминальных конструкций на одном памятнике фиксировалось и на других археологических объектах Приольхонья: Куркут I (Максименков, Сорокин, 1992; Зайцев и др., 1996), Куркутский комплекс I, Куркутский комплекс II (Асеев, 1980). Правда, не всегда поминальники, соседствовавшие на одном памятнике, возводились в одно время. Этот фактор приходится учитывать при определении возраста Обондоя II.

Найденный на Обондое II керамический сосуд, украшенный прочерченным скобовидным рассеченным орнаментом, в настоящее время может датироваться в пределах V–VII вв. н.э., хотя не исключено, что с появлением новых данных хронология этого орнаментального мотива будет пересмотрена. Однокольчатые удила имеют более широкий хронологический диапазон бытования, охватывающий IV в. до н.э.—IX в.н.э., хотя в надежно датировемых памятниках второй половины I тыс. н.э. на террито-

рии Прибайкалья они пока не встречены. Железные ножи с лезвийным уступом фиксируются в Байкальском регионе в конце I тыс. до н.э.—I тыс. н.э. Во II тыс. их форма изменяется. Поэтому с учетом перекрестного датирования обнаруженных артефактов возраст Обондоя II можно определить в пределах V–VII вв. н.э.

Для уточнения времени сооружения шатровых конструкций памятника был предпринят радиоуглеродный анализ угля из кладки № 2. Полученная дата — 1890 ± 60 (СОАН-4106), с учетом калибровки соответствует концу I в. до н.э. — II в.н.э. Если учесть, что при датировании угля исследователь фиксирует не возраст интересующего его памятника, а дерево, из которого получен уголь, попавший в археологический объект, то «удревнение» радиоуглеродной даты в этом случае выглядит вполне закономерным. Понимая это, при определении возраста поминальника будем ориентироваться на более позднюю часть доверительного интервала даты или даже выходить за ее пределы. Учитывая все вышесказанное, время сооружения поминальников Обондоя II предлагается соотносить с началом-серединой I тыс. н.э.

Последние годы вопросы хронологии поминальных конструкций Приольхонья, в том числе и шатровых комплексов, все чаще привлекают внимание исследователей. Постепенно намечается тенденция к удревнению этого типа памятников. Наличие под шатровыми конструкциями памятника Нурэ I керамики сеновоостровского типа, а также радиоуглеродные даты, полученные по шатрам Куркутского комплекса I и Обондоя II, позволяют говорить о появлении поминальников шатрового типа на территории Приольхонья уже в начале I тыс. н.э. (Харинский, 2001: 112).

Наряду с попытками удревнить шатровые комплексы появляются работы, в которых предлагается отодвинуть верхнюю хронологическую границу существования этих памятников до XIV в. Т.Ю. Номоконова анализируя средневековые керамические сосуды Приольхонья, указывает, что в настоящее время диапазон существования шатровых сооружений расширен до раннемонгольского времени включительно — XI–XIV вв. и ссылается на монографию Б.Б. Дашибалова 1995 г. (Номоконова, 2005: 225). Но в работе Б.Б. Дашибалова

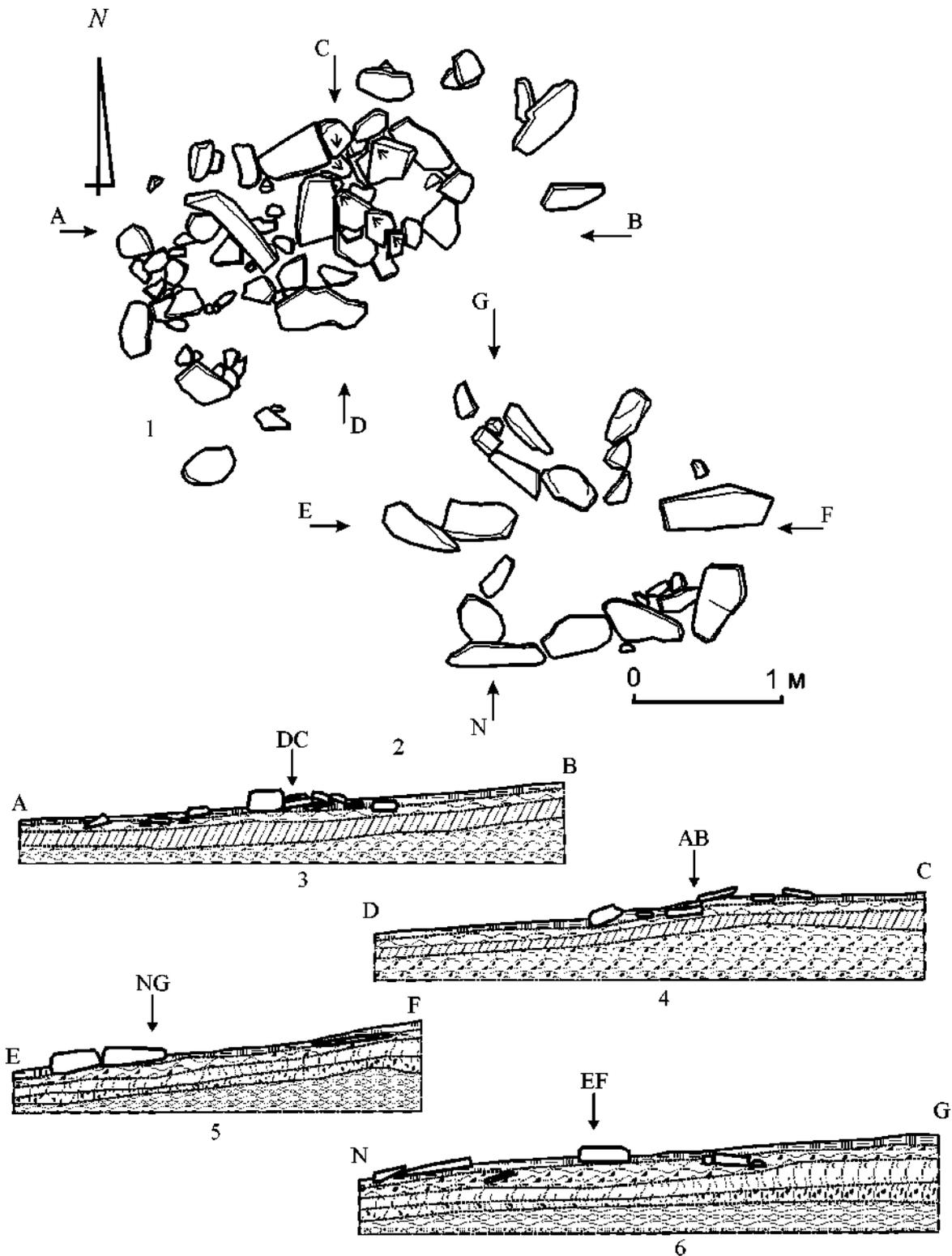

Рис. 9. Обондой II. 1 — кладка комплекса № 10 после расчистки; 2 — кладка комплекса № 11 после расчистки; 3, 4 — разрезы комплекса № 10; 5, 6 — разрезы комплекса № 11

Fig. 9. Obondoy 2. 1 — mound of complex 10 after clearing; 2 — mound of complex 11 after clearing; 3, 4 — profiles of complexes 10; 5, 6 — profiles of complexes 11

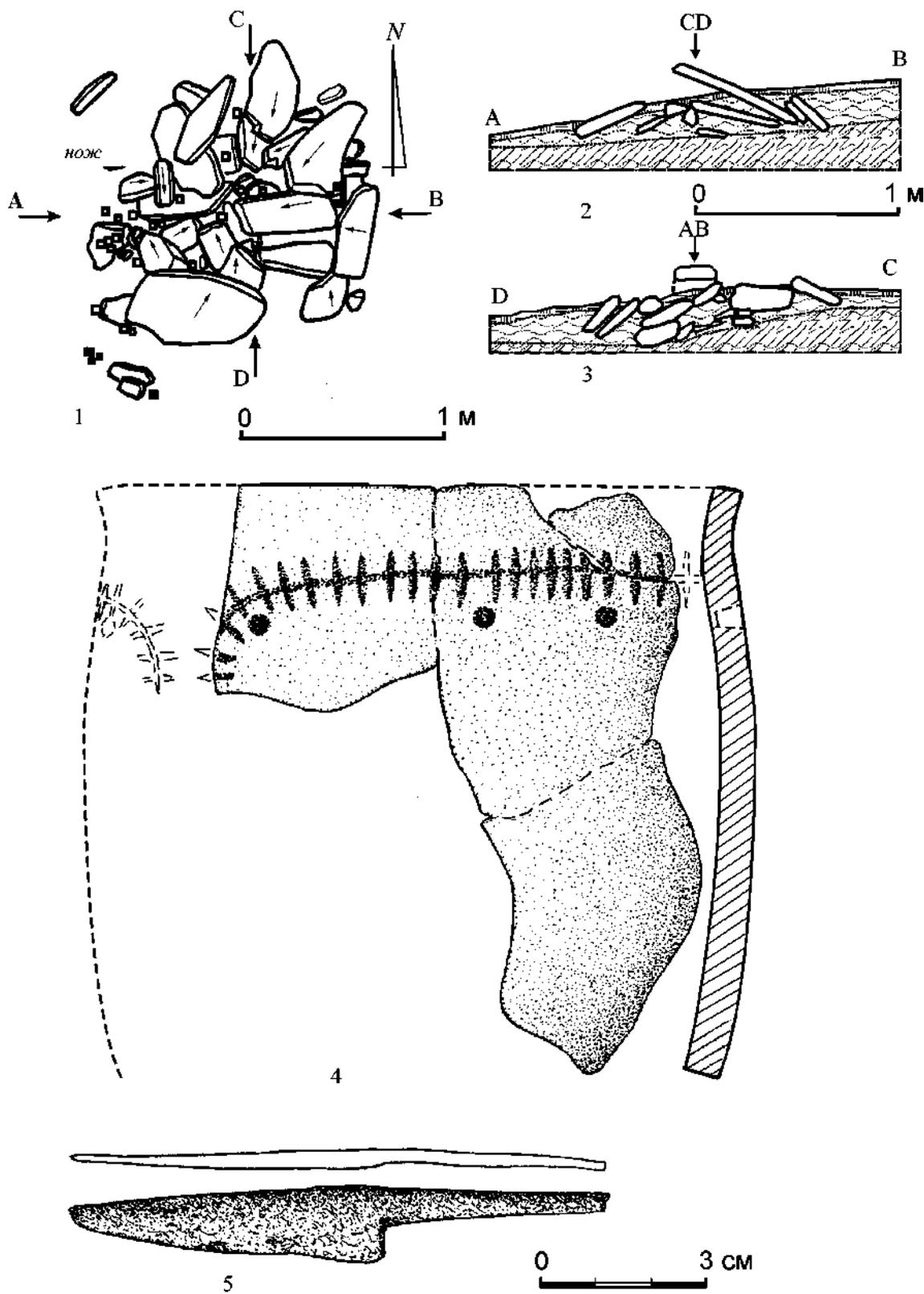

Рис 10. Обондой II. Комплекс № 12. 1 — кладка после расчистки, 2, 3 — разрезы, 4 — керамический сосуд, 5 — железный нож

Fig. 10. Obondoy 2. Complex 12. 1 — mound after clearing; 2, 3 — profiles; 4 — pottery vessel 5 — iron knife

нет указаний на то, что шатровые конструкции Приольхонья датируются вплоть до XIV в. Рассматривая материалы из шатровых комплексов Нурэ I, исследователь пишет: «До появления более веских оснований вопрос передатировки Нурэ — 102 к началу II тыс. надо, видимо, оставить открытым...» (Дашибалов, 1995: 90). Разделив курумчинскую культуру Прибайкалья на четыре этапа, Б.Б. Дашибалов не включает в харанцинский (XI—XII вв.) и телятниковский (XIII—XIV вв.) этапы артефакты из шатровых комплексов. В сводной таблице инвентаря харанцинского этапа им приводятся материалы только из поминальников Харанса I (Дашибалов, 1995: рис. 35), но эти поминальные конструкции не являются шатровыми. Их кладки имеют или купольную (1 комплекс), или плоскую (12 комплексов) форму (Дашибалов, 1995: табл. 5).

Т.Ю. Номоконова предлагает пересмотреть хронологический диапазон существования комплексов Куркут I, Хужир-Нугэ XX и Нуры I, отнесенных авторами раскопок к VIII—X вв. По аналогиям археологического материала она склонна расширить рамки существования комплексов вплоть до XII—XIV вв. Т.Ю. Номоконова пишет: «Типологические формы наконечников стрел с Куркута I, как отмечают сами авторы, фиксируются в Южной Сибири вплоть до XII в.» (Номоконова, 2005: 225-226). На самом деле, обнаруженные на Куркуте I броневой черешковый боеголовковый наконечник стрелы с трехгранным в сечении пером (комплекс № 16) и железный трехлопастной черешковый наконечник с удлинено-ромбическим пером (комплекс № 21) фиксируются на территории Южной Сибири вплоть до начала II тыс. н.э., но они встречаются на этой территории и в памятниках, датирующихся концом I тыс. н.э. (Зайцев и др., 1996). Почему Т.Ю. Номоконова решила, что более поздняя дата памятника Куркут I является правомерной, не понятно. Тем более, что авторы раскопок Куркута I датируют памятник не только по обнаруженным в нем железным наконечникам стрел, но и по керамике. Они пишут: «Орнаментальные мотивы, отмеченные на куркутской керамике, на приольхонских сосудах II тыс. н.э. не встречаются. Один из них — ряд круглых позитивных вдавлений («жимчужин») — присутствует на керамике из комплек-

са № 106 — погребении, вскрытом на памятнике Куркут I, по которому имеется радиоуглеродная дата 1140 ± 100 л.н. (ГИН-6847)» (Зайцев и др., 1996).

Уточнить дату керамики, украшенной жемчужинами, и всего памятника Куркут I позволит радиоуглеродная дата, полученная по нагару со стенки сосуда из комплекса № 81 (Зайцев и др., 1996: рис. 5—5). Она составляет 1325 ± 30 л.н. (AA-37192) (Харинский, 2001: 156) и соответствует с учетом калибровки второй половине VII — середине VIII в. В связи с этим возраст Куркута I следует не омолаживать, а наоборот, удревнять. Учитывая две радиоуглеродные даты, имеющиеся по этому памятнику и время бытования обнаруженного на нем инвентаря, предлагается определить время его существования второй половиной VII—X вв. н.э. Хотя не исключено, что в ближайшее время последует еще более существенное удревнение Куркута I. Причиной этому может послужить находка в комплексе № 23 упора от прибора для добывания огня трением (Зайцев и др., 1996: рис. 3—4). Такие изделия на территории Предбайкалья в настоящее время зафиксированы только в археологических комплексах конца I тыс. до н.э. — начала I тыс. н.э. (Смотрова, 1991; Харинский, 2004).

Выделенные Т.Ю. Номоконовой три хронологические группы средневековой керамики (Номоконова, 2005: 226), на наш взгляд, требуют серьезной доработки. Разделение керамики позднего железного века на два хронологических среза не обосновано. Оно подстраивается под культурно-хронологическую схему, предлагаемую Б.Б. Дашибаловым (1995), при этом Т.Ю. Номоконовой не предпринимается попытка анализа археологических комплексов, в которых обнаружена рассматриваемая ею керамика. Существенных оснований для выделения хронологической группы керамики раннемонгольского времени XI—XIV вв. исследователем не представлено. Сосуды, включенные в эту группу (Номоконова, 2005: табл. 2), датируются авторами раскопок не позднее конца I тыс. н.э. Единственный из фрагментов керамики, включенный в этот хронологический срез и имеющий какое-то отношение к археологическим памятникам II тыс. н.э., обнаружен И.В. Асеевым в захоронении 1 могильника Ольхон

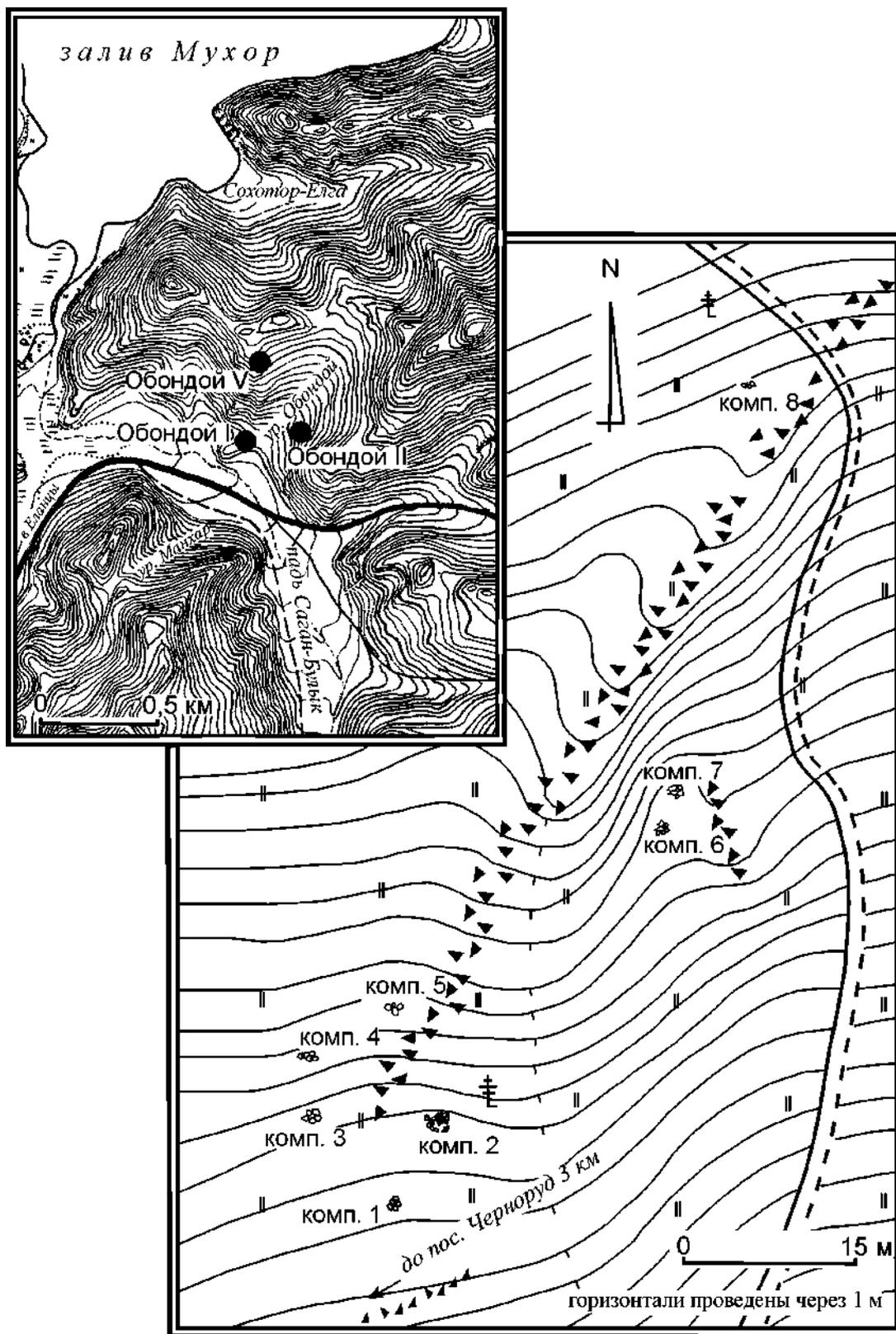

Рис 11. Карта расположения местонахождения Обондой V

Fig. 11. Obondoy 5 site map

(Асеев, 1980: табл. I — 11). Погребение совершенно на поверхности земли в скальной расщелине. Большой фрагмент тонкостенного сосуда с шахматно-шашечным орнаментом и подковообразными вдавлениями по срезу венчика и под третьим рассеченным валиком располагался напротив теменной части костяка (Асеев, 1980: 59). Других фрагментов керамики в погребении или возле него обнаружено не было.

Наземные захоронения, примыкающие к скальным выходам, распространяются на западном побережье Байкала с середины II тыс. н.э. Погребения в них совершались или по обряду кремации или по обряду труположения, как в Ольхоне I — 1 (Харинский, 2001: 99). Следовательно, сопроводительный инвентарь, обнаруженный в захоронении, раскопанном И.В.Асеевым, не может быть датирован началом II тыс. н.э. Об этом свидетельствует и остальная инвентарь, найденный в Ольхоне I-1.

Сосуды с такими же орнаментально-морфологическими показателями, как фрагмент, найденный в Ольхоне I — 1, как правило, датируются второй половиной I тыс. до н.э. (Харинский, 1999). Фрагмент керамики, обнаруженный в погребении, мог иметь какое-то сакральное значение, и его положили в могилу специально. Кроме этого, он мог попасть туда и случайно в результате естественных процессов, в ходе которых был частично разрушен земляной слой, содержащий археологический материал более раннего периода, чем время сооружения могилы.

Имеющиеся к настоящему времени данные не позволяют омолаживать поминальники шатрового типа. Самые поздние из них датируются X в. Нижняя же граница фиксируется не так четко. Вероятно, наиболее ранние из них появляются уже в начале нашей эры, но широкое распространение этот тип памятников приобретает лишь к середине I тыс.

Заключение

Шатровые комплексы Приольхонья являются одними из наиболее выразительных археологических объектов региона. С другой стороны, невзирая на 130-летнюю историю исследований, они до сих пор хранят массу загадок,

связанных как с их хронологией, так и с функциональным назначением и культурной принадлежностью. Материалы, полученные во время исследования поминальных комплексов урочища Обондой, позволили в очередной раз вернуться к датировке этих памятников. Уже не вызывает сомнений существование шатровых комплексов на территории Приольхонья в середине I тыс. н.э., но все больше появляется фактов, указывающих на более раннее время появления этих памятников. К числу этих данных относится и радиоуглеродная дата, полученная по комплексу № 2 Обондой II.

Шатровые конструкции являются не единственным типом поминальных комплексов, известных на территории Прибайкалья. Материалы Обондой II позволяют расширить этот список, включив в него поминальники с кладками в виде куполообразных оградок. Их расположение на одном археологическом объекте вместе с шатровыми конструкциями позволяет говорить о функциональной взаимосвязи этих типов поминальников. В чем она заключается, пока не ясно, но ее существование бесспорно.

К настоящему времени в Приольхонье раскопано уже более 500 поминальников, но, к сожалению, до сих пор в научный оборот не введена полная информация ни по одному из них. В публикациях, как правило, приводятся лишь находки из поминальников и краткое описание их конструкции, но зачастую отсутствуют планы памятников и рисунки исследованных на них поминальников. Публикация результатов раскопок с Обондой II впервые меняет подход к представлению материалов с поминальных комплексов. В ней приведены рисунки всех кладок и их разрезы, а также найденные на памятнике артефакты. Подобный подход по вводу в научный оборот уже раскопанных поминальных конструкций и еще только исследуемых намного облегчит анализ этого типа памятников и ускорит решение многих вопросов, связанных с древней историей Прибайкалья.

Summary

In 1999-2000 there were excavated 12 memorial complexes in the site Obondoy (Ol'khon area). In four complexes the mound had the cone-

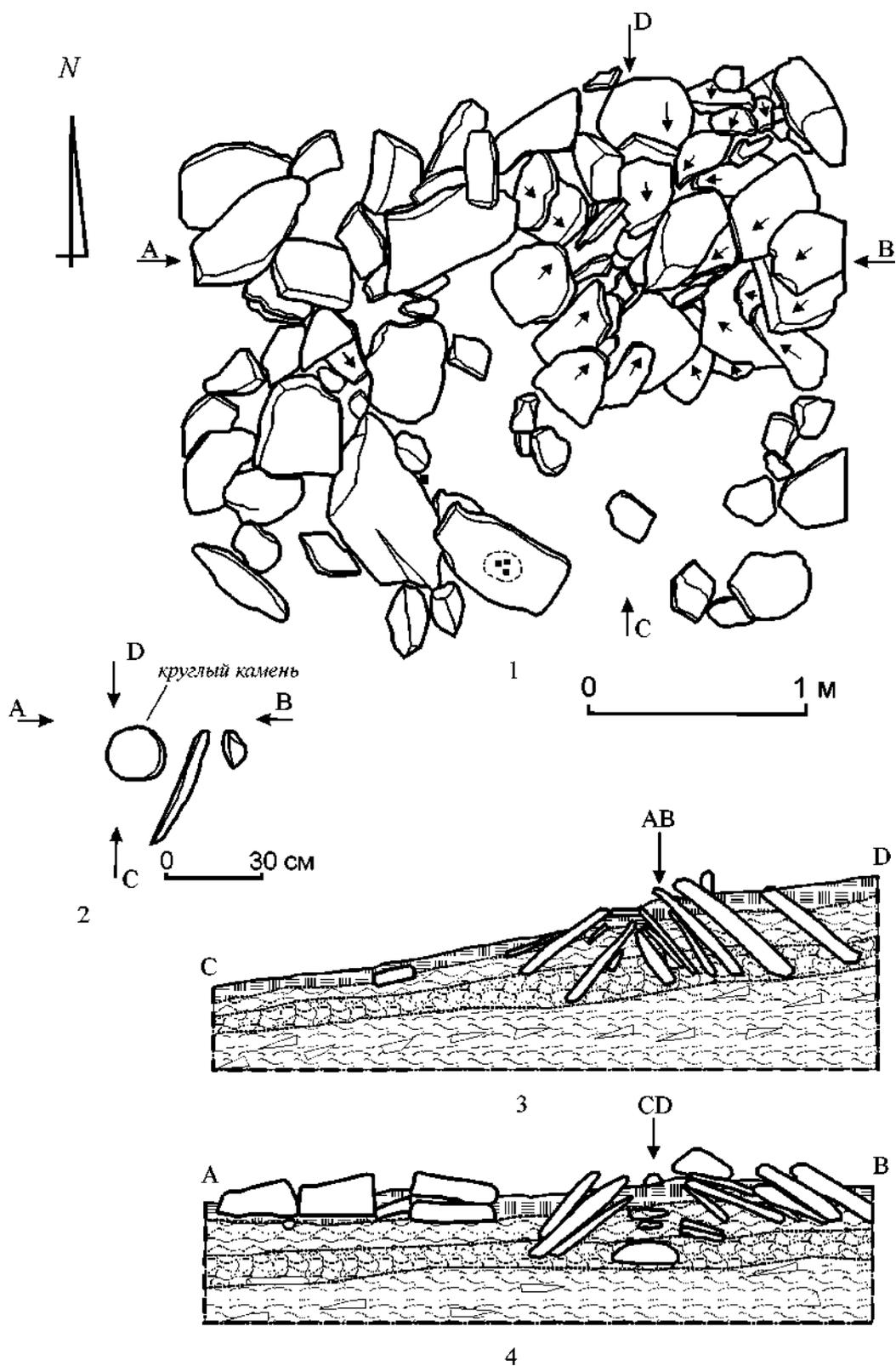

Рис 12. Обондой V. Комплекс № 2. 1 — кладка после расчистки;
2 — нижний уровень кладки; 3, 4 — разрезы

Fig. 12. Obondoy 5. Complex 2. 1 — mound after clearing; 2 — bottom level of the mound; 3, 4 — profiles

shaped form, at three — fat form and at four — form dome-shaped fence. Pottery have been found in complexes 2 and 12, an iron bit — in a complex 1, an iron knife — in complex 12. Radio carbon date on coal 1890 ± 60 BP has been received from a complex 2. Memorial complexes Obondoy built in the beginning-middle of the 1th thousand. The materials were got in excavations allow to consider that the earliest mounds of cone-shaped form have started to be erected in Ol'khon area in the 1th thousand beginning AD. Latest of them are dated 10th century.

Литература

- Асеев И.В.** Прибайкалье в средние века. Новосибирск, 1980. 149 с.
- Батракова Н.А., павлуцкая В.В.** Погребения Раннемонгольского времени острова Ольхон (оз. Байкал) // Истоки, формирование и развитие Евразийской политкультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. Иркутск, 2005. С. 244-245.
- Васютин А.С., Елин В.Н.** К датировке алтайских оградок уландрыкского типа // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983. С. 118-122.
- Горюнова О.И., Новиков А.Г.** Комплекс железного века многослойного поселения Катунь I // Гуманитарные науки в Сибири: Археология и этнография. 1997. № 3. С.27-35.
- Горюнова О.И., пудовкина Е.А.** Могильник Елга VII и его место в периодизации железного века Приольхонья // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 1995. С.154-174.
- Дашибалов Б.Б.** Археологические памятники курыкан и хори. Улан-Удэ, 1995. 189 с.
- Ероол-Эрдэнэ.** Гол модны хунну булшны судалгааны зарим ур дун // Археологийн судлал. Улаанбаатар, 2004. Т.2 (22). С. 76-109.
- Зайцев М.А.** Ритуальные и погребальные памятники курумчинской культуры в Приольхонье: (оз. Байкал): автореф. дис ... канд. ист. наук. Кемерово, 1989. 16 с.
- Зайцев М.А., Свинин В.В., Харинский А.В.** Шатровые сооружения западного берега залива Куркут // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. Иркутск, 1996. С. 67-76.
- коновалов п.Б.** Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976. 219 с.
- Максименков Г.А., Сорокин В.С.** Могильник в заливе Куркут // Байкальские древности. Иркутск, 1992. С.59-64.
- Мандельштам А.М.** Шатровый могильник у оз. Нуры (о. Ольхон) // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 150 — 155.
- Миллер Б.к., Оллард Ф., Эрдэнэбат Д., Ли к.** Погребальный комплекс сунну: раскопки могильника Гол Мод 2 (Монголия, 2002-2005) // Археологические вести / Ин-т истории материальной культуры РАН. № 15. М.: Наука, 2008. С. 55-70.
- Могильников В.А.** Население Верхнего Приобья в середине—второй половине I тыс. до н.э. М., 1997. 195 с.
- Номоконова Т.Ю.** Орнаментация средневековых сосудов Приольхонья (оз. Байкал) // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. тех. ун-та, 2005. Вып.3. С. 221-229.
- Номоконова Т.Ю., Горюнова О.И.** Шатровые сооружения Приольхонья // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. Иркутск, 2002. Вып.2. С. 101-105.
- поляков А.С.** Поминальные оградки алтае-орхонских тюрок на юге Хакасии // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983. С.- 105-112.
- Свинин В.В., Зайцев М.А.** К вопросу о так называемых «шатровых могилах» // Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. Якутск, 1982. С.138-140.
- Смотрова В.И.** Погребения с ажурными пластинами на острове Осинском // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск, 1991. С. 136-143.
- Төрбат Ц., Амартүвшин Ч., Эрдэнэбат у.** Эгийн Голын сав нутаг дахь археологийн дурсгалууд (Хүрлийн Үеэс Монголын Үе). Улаанбаатар, 2003. 295 с.
- Харинский А.В.** К вопросу о генезисе ритуальных кладок Приольхонья в I тыс. н. э. (по материалам местонахождения Курма XII) // Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез. Улан-Удэ, 1999. С. 501-504.
- Харинский А.В.** Предбайкалье в кон. I тыс.

до н.э. — сер. II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация. Иркутск, 2001. 198 с.

Харинский А.В. Поминальные конструкции Приольхонья I тыс. н.э.: некоторые вопросы типологии и хронологии // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос.ун-та, 2002. С. 161-166.

Харинский А.В. Престижные вещи в погребениях байкальского побережья конца I тыс до н.э. — начала II тыс н.э. как показатель региональных культурно-политических процессов // Комплексные исследования древних и тради-

ционных обществ Евразии: сб. науч. тр. / под. ред. Ю.В. Кирюшина, А.А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. С. 108-114.

hunnu tombs at hudgiin Tolgoi in Mongolia. Research report on Korean-Mongolian joint Expedition in Mongolian I V. Seul: Te National museum of Korea, 2003. 278 p.

Konovalov P.b. The Burial Vault of a Xiongnu Prince at Sudzha (Il'movaia pad', Transbaikalia). Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2008. 103 p.